

УДК [351.77:316.776]–002.326.5:616–036.21

А.В. Алейников, А.В. Курочкин, Д.А. Мальцева

Коммуникативная эффективность информационного антикризисного менеджмента в условиях глобальной пандемии*

Описано исследование коммуникативной эффективности государственных стратегий информационного антикризисного менеджмента в условиях глобальной пандемии и ускоренной цифровизации; анализируются трансформации информационной подсистемы власти, что обусловлено реакцией на распространение COVID-19. Выявлено, что коммуникативная эффективность информационного антикризисного менеджмента определяется способностью управленческих систем в сжатые сроки разрабатывать и реализовывать проактивную стратегию. Предложены теоретические основания анализа коммуникативной эффективности в условиях «пандемическо-экономической» дилеммы, структурированы возможные информационные стратегии публичной власти в условиях пандемии, выявлена их сравнительная эффективность при реализации антикризисного менеджмента.

Ключевые слова: коммуникативная эффективность, информационный антикризисный менеджмент, государство, публичная власть, пандемия, COVID-19, цифровая трансформация, коммуникативные стратегии

DOI: 10.36535/0548-0019-2021-02-2

ВВЕДЕНИЕ

Распространение второй волны короновирусной инфекции, которая «разрушила одно из главных единств современного общества: единство богатства, здоровья, комфорта, просвещённости и безопасности» [1], обострило проблему информационных реакций [2], технологий информационного менеджмента. Сегодня необходим иной уровень координации коммуникационных сетей, фокусировки на вопросах влияния пандемических «потоков», пересекающих границы, на эндогенные социальные структуры, которые, по словам Д. Урри, «видоизменяют на материальном уровне “социальное как общество”» [3, с. 10].

Пандемия, которая ограничила физические перемещения, создает социальную дистанцию, обостряет проблему социальной эксклюзии [4, с. 168] и усили-

вает информационные коннотации эпидемии страха и подозрения, когда в повседневном общении и политические действия, ранее рассматривавшиеся как источник стабильности и безопасности, трансформируются в источник угроз и опасностей [5].

В этих условиях «неизмеримой неопределённости» [6], резкого изменения привычного образа жизни людей, социального дистанцирования, форсированной цифровизации производства и сферы услуг к системе информационного менеджмента политико-административных решений предъявляются принципиально новые требования к оперативности информационного потока, а запуск информационных волн возможен только с использованием принципиально новых технологий управления коммуникационными процессами.

В дискуссиях о последствиях «вирусной революции» эксперты не случайно подчеркивают, что изучение коммуникаций кризисного управления в условиях рисков и экстремальных событий, разрушающих современное общество, – это минное поле фальстартов, концептуальной путаницы и практических трудностей [7].

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00115) в части статьи, написанной А.В. Алейниковым, и при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 20-011-00393) в части статьи, написанной А.В. Курочкиным и Д.А. Мальцевой.

Таким образом, первая задача настоящего исследования – проанализировать коммуникативную эффективность информационного менеджмента государства в условиях глобальной пандемии.

Вторая наша задача – раскрыть содержание трансформации информационной подсистемы власти в условиях пандемии, реконструировать информационную повестку публичной политики и основные элементы проактивной стратегии антикризисного управления информационными потоками.

УПРАВЛЕНИЕ «КОВИД-ИНФОРМАЦИЕЙ» КАК СОЗДАНИЕ СМЫСЛОВ В КРИЗИСНЫХ СИТУАЦИЯХ

Вторая волна пандемии отличается поляризацией информационной риторики «ковид-бенефициаров» и протестующих против ковид-мер, а социум выглядит более дезориентированным в условиях реального одномоментного и безальтернативного изменения жизненного уклада. Необходимо отметить, что выбор информационных стратегий и тактик в период пандемии зависит не только от возможностей национальных систем здравоохранения, готовности населения к самоограничениям и ответственности, политического цикла [8], но и от особенностей структурирования и институционализации системы управления реакциями населения на принимаемые меры, объемами, направленностью и трендами потребления ковид-информации, т. е., исходя из теории Р.С. Гиляревского и его научной школы, смысла, «который человек приписывает данным на основании известных ему правил представления в них фактов, идей, сообщений» [9, с. 9].

В.Вахштайн, рассматривая доминирующие политические нарративы конструирования образа внешних и внутренних угроз в условиях пандемии и изменившуюся диспозицию страхов, выделяет два основных фактора восприятия эпидемии – «приводит ли она к укреплению социальных связей и образованию “сообщества судьбы” или, напротив, к распаду и декомпозиции социальных агрегатов» [10].

Фокус-группы, проведенные в рамках исследования ВЦИОМа «Уровень тревожности и страхи россиян», показывают, что «страх перед собственно болезнью отошел на второй план. Люди получили информацию о болезни и поняли, что если они даже заболеют, то шанс выздороветь достаточно высокий. Вместо этого страха появляются другие чувства тревожности. Прежде всего – бездеятельность. Все исходит из того, что помощи они от властей не получают либо будет очень затруднительно ее получить» [11].

Пессимистические ожидания от будущего после пандемии разделяют 25% россиян; страхи серьезного экономического спада – 63%; боятся, что семье не на что будет жить – 54%; ждут, что придется надолго изменить привычный образ жизни – 44% [12]. Социологи фиксируют, что лишь 19% респондентов считают официальную информацию о коронавирусе достоверной, 27% – полагают, что занижается реальное количество заболевших и сложность ситуации, 37% – не доверяет официальным источникам, считая, что ситуация сильно нагнетается и представляется хуже, чем есть [13].

Таким образом, сегодня очевидно ощутим недостаток информационно-коммуникативной компоненты реализуемой государством стратегии борьбы с коронавирусной инфекцией. Как долго бы ни продлилась пандемия, государству следует усилить две основные составляющие своего политического курса: коммуникативную и координационную (управление ковид-контентом и его восприятием, форматом передачи и получения, каналами и источниками), поскольку «фактически речь идет об управлении степенью свободы доступа индивида к информации, о создании таких рамок (правил и обычаев) присутствия в информационном пространстве, при которых пользователь не столько не сможет, сколько не захочет использовать все свои информационные возможности» [14, с. 375].

Исследователи подчеркивают, что в условиях пандемии произошла не медицинская, а этическая переоценка самого понятия о приемлемости потерь от эпидемических заболеваний, так как никакое правительство не может принять масштабные человеческие потери, если граждане считают, что их можно было предотвратить [15].

Специалисты по антикризисному политическому менеджменту называют это «созданием смыслов», когда коммуникационные стратегии направлены на снижение социальной и политической неопределенности, вызванной кризисами [16].

Пандемия COVID-19 стала триггером динамичной цифровизации, спровоцировав пересмотр цифровой повестки, обеспечивающей принципиально новый характер медиасреды и инновационные формы коммуникативного взаимодействия, включая платформы для самодиагностики и отслеживания контактов, мониторинга и регистрации состояния здоровья пациентов [17]. Некоторые эксперты даже подчеркивают критическую важность в будущем «цифровой биополитики» с технологиями «сканирования здоровья» или «демократической биополитики», основанной на самоконтроле и самодисциплине людей, способных и готовых изменить свой образ жизни, жертвуя значимой частью повседневных привычек, свобод и прав ради общественной и собственной безопасности [18].

Среди основных вызовов ускоренной цифровой трансформации в условиях пандемии выделим углубление цифрового разрыва как по профессиональному, так и по географическому принципу. Так называемые «белые воротнички» и люди с высоким доходом имеют здесь колоссальное преимущество. По данным бюро статистики США возможность дистанционной онлайн работы есть более чем у 60% человек из 25% наиболее состоятельных американцев и лишь у 9% – наименее состоятельных. Эти же показатели имеют четкую географическую проекцию. Так, в городах Британии, расположенных на юго-востоке страны, где в основном сосредоточены финансы и консалтинг, проживает в два раза больше жителей, имеющих возможность и компетенции работать удаленно, нежели в городах промышленного севера [19].

Следует отметить, что интерес исследователей к изучению проблемы влияния коммуникаций на предупреждение и борьбу с угрозами глобальной пандемии отнюдь не нов. Так, Этан Цукерман отмечал значительные достижения цифровизации и становле-

ния глобальных коммуникационных сетей, позволивших кардинально снизить последствия распространения атипичной пневмонии: « способность врачей по всему миру постоянно быть на связи и обмениваться информацией онлайн сделала сеть основной линией борьбы с болезнью... <Подобные Всемирной информационной сети общественного здравоохранения>..., сканируя горизонт событий, выявляют угрозы, новые возможности и тут же предлагают решения» [20, с. 19-22].

Однако спустя семь лет его оптимизм относительно информационных систем глобального оповещения не нашел подтверждения, но оказался губителен с позиций обеспечения безопасности и реальной оценки рисков.

Мы видим принципиально иной характер вирусной инфекции COVID-19, который оказывается значительно сильнее с точки зрения способности передачи вируса от человека к человеку и часто бессимптомного течения болезни, что затрудняет своевременное выявление заболевших и ход развития пандемии. Однако более существенным в аспекте рассматриваемой темы представляется переосмысление роли информационных структур и сервисов в борьбе с пандемией, национальных коммуникативных стратегий с позиций оценки эффективности противоэпидемиологической политики.

КОММУНИКАТИВНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИНФОРМАЦИОННОГО МЕНЕДЖМЕНТА В КРИЗИСНОЙ СИТУАЦИИ ПАНДЕМИИ

Наряду со способностью организовать систему экстренной медицинской помощи, на первый план в ходе текущей пандемии вышла коммуникативная эффективность государственной власти. В этой связи актуальным представляется использование концепта «коммуникативная эффективность», в том числе применительно к информационному менеджменту, в понимании которого мы опираемся на признанные исследования Р.С. Гиляревского [21, 22].

В кризисных ситуациях коммуникативная эффективность информационного менеджмента определяется способностью управленческих систем в крайне сжатые сроки разрабатывать и реализовывать проактивную стратегию.

В настоящем исследовании под коммуникативной эффективностью понимается результирующая минимизации всего спектра транзакционных издержек, возникающих в процессе управления кризисом.

В этом смысле мы отходим от традиционного, узкого понимания коммуникативной эффективности, трактуемой как степень и особенности воздействия сообщения на респондента. Такой подход сегодня распространен в маркетинге и рекламе, но нам он представляется недостаточным, ввиду субъективности оценивания эффектов, не включенности в анализ системы обратной связи.

Самая общая классификация транзакционных издержек может быть представлена следующим образом:

1) информационные издержки, затрачиваемые на поиск информации о контрагенте по сделке, об общей ситуации на рынке, о совокупных потерях, связанных с неполнотой и несовершенством получаемой информации;

2) издержки оценки и измерения, которые включают в себя затраты, необходимые для обменов и заключения сделок (договоров) – оценки качества услуг/товаров, логистических издержек;

3) издержки ведения переговоров, включающие переговорные издержки об условиях обмена, выборе форм транзакции;

4) затраты на внешний контроль обеспечения условий сделки и страхование рисков;

5) издержки спецификации и защиты прав собственности (содержание судов, арбитраж);

6) расходы на защиту от претензий третьих лиц;

7) имиджиевые издержки, связанные с возможными потерями доверия контрагентов или третьих лиц [23].

Информационные издержки – пожалуй, наиболее распространенный и разнообразный вид транзакционных издержек в данном случае. Недостаток информации как о самом вирусе, степени его распространения и скорости заражений, так и о возможных (эффективных) методах борьбы с ним, а также потенциальных действиях контрагентов породил невозможность выработки согласованной (на глобальном уровне) стратегии обеспечения безопасности и множество порой диаметрально противоположных (как, например, во Франции и Швеции) национальных стратегий борьбы с коронавирусной инфекцией.

Издержки оценки и измерения безусловно связаны в данном случае с первым видом издержек и могли бы быть определены как подвид информационных. Эти издержки зависят в первую очередь от недостатка/отсутствия, либо потенциального манипулирования статистическими данными. Речь идет о всевозможных данных: от количества заболевших/умерших, точности их диагнозов, до наличия аппаратов ИВЛ и числа койко-мест в больницах. На всех уровнях управления (от глобального до муниципального) издержки подобного рода значительны, а результаты такой оценки напрямую влияют на принятие решений о выделении дополнительных ресурсов, либо о международном обмене ими.

Другая составляющая проблемы оценки издержек – выяснение оптимальных объемов и адресность обеспечения государственной поддержки экономики, что требует еще более значительных затрат на анализ ситуации и напрямую соотносятся с другим видом транзакционных издержек – имиджиевыми потерями.

Издержки ведения переговоров в чрезвычайной ситуации пандемии, как правило, оказываются не столь значительными в силу преимущественно авторитарного стиля принятия решений, в то время как затраты на внешний контроль, обеспечение условий сделки и страхование рисков возрастают многократно. По сути, сюда можно отнести все совокупные издержки по контролю за исполнением обеспечительных мер карантина. Причем, основную массу издержек создают граждане и бизнес, нарушающие предписываемые государством правила поведения в особых условиях. Здесь обнаруживается большое предметное поле для дальнейших исследований влияния на совокупные транзакционные издержки уровня доверия к контрагенту (государству) и его сочетания с мерами стимулирования/устрашения, предпринимаемыми государством. Эти меры, с точки зрения эффективности влияния на

поведение граждан, также заслуживают самого внимательного исследовательского интереса.

Издержки спецификации и защиты прав собственности пока не столь четко проявляют себя в период обострения пандемии, но очевидно они будут значительны и разнообразны в посткарантинный период восстановления экономики и также требуют отдельного исследования.

Расходы на претензии от третьих лиц могут трактоваться в нашем случае достаточно широко. На международном уровне – это, например, претензии к Китаю как источнику распространения инфекции. Пока они носят скорее латентный характер, но всегда могут быть облечены в конкретные экономические и военно-политические санкции. Также это могут быть претензии к другим государствам относительно качества оказываемой гуманитарной помощи (случай Италии и России, России и США). На локальном уровне такие издержки могут включать в себя судебные издержки на незаконные штрафы за нарушение режима самоизоляции или иные административные нарушения, связанные с пандемией.

Издержки, связанные с информационно-имиджевыми потерями, трудно измеримы и затрагивают в первую очередь политический и социальный капитал контрагентов. Однако их значимость в структуре совокупных транзакционных издержек может иметь решающее значение для политической власти, поскольку именно с ними связаны уровень доверия и степень легитимности последней. В случае, если и то, и другое находится на низком уровне, никакие даже самые эффективные в теории информационные стратегии и решения не будут воплощены в жизнь.

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Проанализируем возможные информационно-коммуникативные стратегии государственной власти и их сравнительную эффективность в условиях распространения коронавируса, который «не только многократно усугубил существующие социальные и политические противоречия, но и породил новые» [24].

В ситуации высокой неопределенности и растущих рисков выстраивание информационной повестки может исходить из двух основных стратегий:

1) *реагирующей*, которая заключается в регулярных официальных комментариях происходящего и принимаемых постфактум решениях, как правило, запаздывающих за актуальной повесткой;

2) *про-активной* – отчасти прогнозирующей, отчасти искусственно формирующей будущую политическую повестку под необходимый управляющей системе сценарий.

Первая стратегия доминировала на первом этапе борьбы с COVID-19 в большинстве стран, охваченных пандемией, однако эффективность ее реализации в условиях нестабильной, плохо предсказуемой среды оказалась мягко говоря сомнительной, так как решения запаздывали за развитием ситуации, а неопределенность в результате их реализации ничуть не уменьшалась.

Вторая стратегия – существенно более сложная для разработки и воплощения, поскольку требует многофакторного анализа обстановки, базируется на предпосылках синергетического подхода, основанного на сложном математическом анализе возможных траекторий развития ситуации и, главное, предполагает наличие твердой политической воли реализовать стратегию в необходимом политическом менеджерам направлении. При этом риски несовпадения траектории саморазвития сложноорганизованной социальной системы и постулируемой управленцами модели существенно возрастают, что может привести к отрыву воплощаемого сценария от реальности и неизбежным потерям эффективности, либо к полному провалу политического курса.

Остановимся подробнее на втором компоненте про-активной стратегии – формировании повестки под моделируемый сценарий развития ситуации. Разумеется, здесь не идет речь об искусственном навязывании социальной системе определенного плана развития, что противоречило бы базисным принципам синергетического подхода.

Формирование будущей повестки и ее актуализация рассматриваются в данном случае в русле методологии *future craft* (конструирования будущего), предложенной Карло Ратти и Мэтью Колделом. Суть её заключается в предложении сценариев будущего, анализе вытекающих из них следствий, сложностей и рисков: «...мы предполагаем экстраполяцию из современных условий и помещаем себя, как проектировщиков, в фиктивный, но возможный контекст будущего с намерением осуществить или не допустить осуществления этого варианта будущего посредством общественного обсуждения... *futurecraft* не фиксирует настоящее (непомерная задача) и не предсказывает будущее (разочаровывающее, тщетное занятие), а влияет на него в положительном ключе. Проектировщик не внедряет свои идеи в мир... В силу того, что идея была сформулирована, она с необходимостью окажет какое-то влияние» [25, с. 12-14].

Таким образом, различные сценарии будущего проходят общественное тестирование в современных условиях. Эта методология во многом базируется на установках «всеобщей науки опережающего проектирования», разработанной американским исследователем Бакминстером Фулером. Она «заключается в решении проблем путем внедрения в окружающую среду новых артефактов, наличие которых будет вызывать их спонтанное использование людьми и таким образом одновременно отказаться от своих прежних порождающих проблемы практик поведения и инструментов» [26, с. 8].

Следует отметить, что новая технология или «артефакт» (в качестве которого вполне может быть рассмотрен вирус COVID -19, вне зависимости от того искусственную или естественную природу происхождения он имеет на самом деле) искусственно встраивается в существующую среду и далее анализируется то, каким образом он может ее реорганизовать или трансформировать. Под эти модельные ситуации разрабатываются информационные стратегии поведения управленческой системы.

В отличие от 50-х годов прошлого века, сегодня мы обладаем достаточным инструментарием для полноценной реализации такой методологии проектирования и планирования. Такую возможность предоставляют технологии искусственного интеллекта и Big Data даже на современном этапе их развития.

Особое значение для проектирования информационных политических и управленческих стратегий в нестабильных условиях приобретают экспертные сети, основанные на краудсорсинговых технологиях. Краудплатформы позволяют сегодня не только объединять онлайн тысячи экспертов и отслеживать десятки и сотни тысяч предложений, но и автоматически выстраивать и тестировать прогнозные сценарии событий. Характерно, что в период обострения пандемии в рамках различных интернет-сервисов достаточно быстро самоорганизовались общественные экспертные сети, объединившие врачей, переводчиков, аналитиков и прочих специалистов, для организации ускоренного информационного обмена между государствами, лечебными и исследовательскими учреждениями по всему миру. Однако для поддержки политических решений подобные технологии если и были задействованы, то крайне слабо.

Необходимо зафиксировать, что в большинстве стран реализовывалась, с различными нюансами, не про-активная, а реагирующая стратегия.

К про-активной стратегии можно отнести противоэпидемиологическую политику Швеции, определяемую как « добровольная политика» или «политика контролируемого распространения вируса». Предложенный главным эпидемиологом Швеции Андерсом Тегнеллом курс отказа от карантинных мер, опирался, в первую очередь, на сознательность граждан и определенные черты скандинавского менталитета (более высокую дисциплинированность, слабые, по сравнению с другими европейскими государствами, межпоколенческие коммуникации, небольшой размер семей). Однако в отличие от Китая, который также делал «ставку» на сознательное выполнение гражданами предписанных правил и норм, даже дискомфортных и неприятных, Швеция не вводила ограничительные меры для подавляющего большинства населения, что, в конечном счете, и предопределило крайне тяжелую эпидемиологическую обстановку в стране на фоне других государств Старого Света.

Таким образом, противоэпидемиологическую стратегию шведских властей нельзя отнести к идеальной модели, но она представляет собой заслуживающую теоретического и практического внимания попытку переопределения противоэпидемиологической повестки с учетом комплексного прогноза развития пандемии, эффективность которой можно будет объективно оценить только со временем.

Здесь особенно актуальной представляется теоретическая посылка А.В. Мозговой и В.А. Комаровой о возможности продуктивного разрешения кризиса «только через коммуникацию субъектов с целью поиска зоны социально приемлемого риска, то есть приемлемого для основных социальных субъектов: производителей, потребителей рисков, органов власти, реализующих управленческие решения» [27].

Важно и то, что в условиях распространения антинаучной информации и иррациональных мифических угроз и страхов происходит изменение механизмов легитимации публичной политики, когда ее формирование на основе фактических данных заменяет собой нормативные ориентации [28].

В качестве основных стратегий противодействия распространению слухов и заведомо ложной информации выделим три:

- 1) *формально-регулятивную*, с опорой на репрессивный аппарат;
- 2) *превентивную*, с опорой на контроль содержания контента самими интернет-платформами и провайдерами;
- 3) *смешанную*, предполагающую сочетание обеих стратегий.

Первая стратегия в наиболее чистом виде реализуется в Китае. Закон, вводящий уголовное наказание за распространение фейк ньюс был принят здесь еще в 2015 г. и Китай к моменту начала эпидемии уже успел накопить достаточно богатую правоприменительную практику. Суровость наказания (до семи лет лишения свободы) сочетается здесь с нормативно установленной системой действий провайдеров Интернета в отношении распространения ложной информации, предполагающей обязательную блокировку контента, фиксацию нарушения и оповещение правоохранительных органов.

По китайскому пути пошла и Российская Федерация, включив в уголовный кодекс две новые статьи: «Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан» и «Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия» (обе статьи введены Федеральным законом от 01.04.2020 №100 именно как реакция на распространение слухов о коронавирусе), а также в Административный кодекс РФ – статью «Злоупотребление свободой массовой информации».

В России максимальный срок лишения свободы за распространение ложной информации, повлекшей смертельный исход, составляет 5 лет, однако правоприменительная практика пока по этим статьям достаточно спорная, поскольку четкие критерии, позволяющие определить потенциальную опасность и степень ложности информации (так, например, в КоАП употребляется термин «недостовверная информация», в то время как в Уголовном кодексе речь идет о «заведомо ложной») до сих пор отсутствуют и, видимо, должны определяться произвольно в каждой ситуации.

Тем не менее, нельзя не заметить, что суровость наказания, предусматриваемая формально-регулятивной стратегией, возможно оказывает необходимый устрашающий эффект, который останавливает некоторых потенциальных распространителей фейковой информации, однако она же влечет и неизбежно высокие транзакционные издержки. Это, прежде всего, затраты на внешний контроль и страхование рисков, идущие на содержание контролирующих органов, издержки оценки и измерения, связанные с отслеживанием и определением ложности распространяемой информации, а также степени ее потенциального

вреда, расходы на защиту от претензий третьих лиц, в случае предъявления ими исков на неправомерные решения и, наконец, имиджевые издержки, которые, в первую очередь, связаны с частыми обвинениями власти в попытках ограничения свободы слова и злоупотреблении административным ресурсом.

Важно и то, что превентивная стратегия предполагает не репрессивные меры со стороны государства по отношению к источникам фейк-ньюс, а внедрение технологий «факт-чекинга», маркировки информационных сообщений, а также блокирования пользователей-нарушителей и удаление их контента. Применение этих технологий основывается преимущественно не на законах, а на соглашениях с пользователями и правилах общения в социальных сетях, а ключевыми агентами такой стратегии выступают не органы государственной власти, а крупные социальные сети и интернет-платформы, которые добровольно берут на себя выполнение этой функции.

Очевидно, что такая стратегия ведет к значительной экономии со стороны государства практически всех упомянутых нами транзакционных издержек, за исключением издержек ведения переговоров и расходов на защиту от претензий третьих лиц. Такая стратегия характерна сегодня для США, Великобритании и Канады.

Смешанная стратегия предполагает дополнение проверки и маркировки информации со стороны крупнейших интернет-платформ и провайдеров законодательством, регулирующем вопросы распространения заведомо ложной информации. Предполагается, что действия крупных интернет-игроков могут носить временный, либо необязательный характер, требующих регулятивных мер со стороны государства. Такой подход характерен для многих европейских стран, в частности, Германии и Франции, где были приняты соответствующие законы: Закон «О сетевой практике» (2017 г.), «Против фейк-ньюс» (2018 г.). Эти законы не предполагают уголовного наказания для отдельных граждан и связаны прежде всего с регулированием деятельности иностранных СМИ на территории стран. Оценка коммуникативной эффективности в случае реализации такой стратегии достаточно сложна, поскольку предполагает более существенные, чем в случае превентивной стратегии, транзакционные издержки. Вместе с тем, чаще всего они носят косвенный характер, что затрудняет измерение их совокупного объема.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наше исследование показало, что критерии и принципы обеспечения коммуникативной эффективности публичной власти в условиях ковидизации мало изучены современной наукой, остается проблемно незаполненной тематика принятия решений в условиях «неизмеримой неопределенности», резкого изменения привычного поведения и образа жизни людей, «социального дистанцирования» как новой формы политической солидарности.

Ключевым проблемным моментом становится коммуникативная эффективность имплементации цифровых технологий в систему публичной власти в

условиях роста транзакционных издержек на политическом рынке в ситуации «пандемическо-экономических» дилемм (направление максимальных ресурсов в систему здравоохранения или поддержание совокупного предложения в условиях падения доходов, выбор между снижением смертности за счет резких ограничений и сохранением экономической активности, «сильным правительством» и полицентризмом принятия решений).

Можно утверждать, что коммуникативная эффективность различных форм управленческих стратегий, реализуемых всеми уровнями публичной власти в условиях «внешних шоков» входит в пул условий для преодоления эпидемии. Дальнейшие исследовательские задачи в данном проблемном поле могут состоять, в частности, в разработке критериев коммуникативной эффективности реализации антикризисного политического менеджмента на национальном и локальном уровнях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Филиппов А. Нормальность и ненормальность чрезвычайного // Россия в глобальной политике. – 2020. – №3. – С. 136-143.
2. Пандемия COVID-19. Биология и экономика. Специальный выпуск: информационно-аналитический сборник. – М., Изд-во Перо, 2020. – 110 с.
3. Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 336 с.
4. Коронованная пандемия и зачарованный мир. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2020. – 408 с.
5. Strong P. Epidemic psychology: A model // *Sociology of Health & Illness*. – 2008. – Vol. 12(3). – P. 249–260.
6. Найт Ф. Понятия риска и неопределенности // *THESIS*. – 1994. – Вып. 5. – С. 12-28.
7. Collaborative crisis management: Interorganizational approaches to extreme events / eds. F. Bynander, D. Nohrstedt. – New York: Routledge, 2020. – 166 p.
8. Рывок или фальстарт? Выход из карантина по коронавирусу весной 2020 года (опыт 30 стран). – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 260 с.
9. Основы информационных технологий. – М.: Национальный Открытый Университет "ИНТУИТ", 2016. – 531 с.
10. Вахштайн В. Пандемия, страх, солидарность // Россия в глобальной политике. – 2020. – №3. – С. 155-162.
11. Уровень тревожности и страхи россиян. Результаты экспертной онлайн-панели по общероссийскому опросу ВЦИОМ (5 волна). – 2020. – URL: <http://club-rf.ru/images/files/5eb3e657197b2.pdf> (дата обращения: 26.10.2020).
12. Социологический антикризисный центр. Исследование социальных эффектов пандемии COVID-19. – 2020. – URL: https://pltf.ru/wp-content/uploads/2020/06/svodka-13_v3.pdf (дата обращения: 26.10.2020).
13. Социологический антикризисный центр. Исследование социальных эффектов пандемии COVID-19. –

2020. – URL: https://pltf.ru/wp-content/uploads/2020/06/svodka-11_v3.pdf (дата обращения: 26.10.2020).
14. Евстафьев Д. Интегрированные коммуникации как глобальная реальность XXI века. 500 тезисов об интегрированных коммуникациях. – М.: Изд-во «ЭРА», 2013. – 652 с.
 15. Прощай, COVID? – М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. – 432 с.
 16. Bojn A., Hart P., Stern E., Sundelius B. The politics of crisis management: Public leadership under pressure. – New York: Cambridge University Press, 2005. – 196 p.
 17. Цифровая повестка и инициативы в области цифровых технологий в условиях COVID-19 (обзор практик Европейского союза, Организации экономического сотрудничества и развития, а также других стран). – М.: НИУ ВШЭ, 2020. – 19 с
 18. Laruelle M., Alexseev M., Buckley C., Clem R., (...), Wishnick E. Pandemic Politics in Eurasia: Roadmap for a New Research Subfield // Problems of Post-Communism. – 2020. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/10758216.2020.1812404?needAccess=true/> (дата обращения: 26.10.2020).
 19. COVID-19 Resource Hub. – 2020. – URL: <http://www.statsamerica.org/Covid19.aspx/> (дата обращения: 26.10.2020).
 20. Цукерман Э. Новые соединения. Цифровые космополиты в коммуникативную эпоху. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. – 336с.
 21. Гиляревский Р.С. Информационный менеджмент: управление информацией, знанием, технологией. – СПб: Профессия, 2009. – 303 с.
 22. Брежнева В.В., Гиляревский Р.С., Жабко Е.Д. Информационный менеджмент: теория и методология. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГИК, 2019. – 184 с.
 23. Олейник А.Н. В поисках институциональной теории переходного общества // Вопросы экономики. – 1997. – №10. – С. 58-68.
 24. Крастев И. Завтра уже наступило? // Россия в глобальной политике. – 2020. – №3. – С. 42-62.
 25. Ратти К., Колделом М. Город завтрашнего дня: сенсоры, сети, хакеры и будущее городской жизни. – М.: Изд-во института Гайдара, 2017. – 248 с.
 26. Fuller B., Kuromiya K. Cosmography: A Post-humous Scenario for the Future of Humanity. – New York, 1992. – 277 p.
 27. Мозговая А.В., Комарова В.А. Социологическое обеспечение рискованной коммуникации // Риск: социологический анализ, коммуникация, региональное управление. – М.: Изд-во Института социологии РАН, 2004. – С. 143–155.
 28. Weible C., Nohrstedt D., Cairney P., Carte D., Crow D., (...), Stone D. COVID-19 and the policy sciences: initial reactions and perspectives // Policy Sciences. – 2020. – Vol. 53(2). – P. 225-241.

Материал поступил в редакцию 26.10.20.

Сведения об авторах

АЛЕЙНИКОВ Андрей Викторович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры конфликтологии Санкт-Петербургского государственного университета
e-mail: a.alejnikov@spbu.ru

КУРОЧКИН Александр Вячеславович – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры российской политики, и.о. декана факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета
e-mail: a.kurochkin@spbu.ru

МАЛЬЦЕВА Дарья Александровна – кандидат политических наук, доцент кафедры теории и философии политики Санкт-Петербургского государственного университета
e-mail: d.maltseva@spbu.ru